Исторический вестник. 2024. Т. L.
DOI: 10.35549/HR.2024.2024.50.001

Я.Р. Дзюбинский

ДВЕ СЕМЬИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА В ФОРМИРОВАНИИ ЕГО БЛИЖАЙШЕГО ОКРУЖЕНИЯ

Частная жизнь представителей правящих династий всегда вызывала особый интерес. С отходом от осторожных принципов «викторианского историка»[1], который концентрировался на изучении социально-экономической проблематики, неменьшее значение сфера частной жизни приобрела и для ученых гуманитарного профиля. Рассматриваемая тема занимает важное и нередко центральное место в различных направлениях социогуманитарного знания — истории повседневности, брака, семьи и частной жизни, социальной и институциональной, гендерной и политической истории.

В предисловии к пятитомному исследованию «История частной жизни» под общей редакцией Ф. Арьеса и Ж. Дюби авторы «отталкивались от того неоспоримого факта, что всегда и везде частная жизнь противопоставляется общественной, доступной всеобщему обозрению и подчиненной власти общественных институтов, и этот явный контраст отражается в терминологии и в общепринятых понятиях. Особое

[1] История частной жизни. Т. IV: от Великой французской революции до I мировой войны. М., 2018. С. 5.

Великий князь Константин Николаевич

пространство, имеющее четко выраженные границы и относящееся к той части человеческого существования, которая на всех языках называется личным, — это зона неприкосновенная, хранящая секреты и предоставляющая убежище...»[2]. «Семья, — отмечает Л.П. Репина, — становится фокусом исследования не только из-за того, что в ней реализуется взаимодействие полов, а потому что именно она является тем местом, где перекрещиваются и воздействуют друг на друга приватная и публичная сферы жизни, местом координации и взаимного регулирования репродуктивной и других форм человеческой деятельности»[3].

Тема частной жизни великого князя Константина Николаевича (1827–1892) не раз поднималась в исторической литературе. Для изучения двух семей Константина Николаевича важной является работа Л. Завьяловой и К. Орлова[4]. Обширная источниковая база позволила авторам представить взаимоотношения между членами семей, вписав последние в общий контекст Дома Романовых. Отдельным приложением дана генеалогическая роспись потомков брака с великой княгиней

---

2 Там же. Т. I: от Римской империи до начала второго тысячелетия. М., 2020. С. 7.

3 *Репина Л.П.* От «домашних дел» к «делам государства»: гендер и власть в историческом контексте // Диалог со временем. 2007. № 19. С. 11.

4 *Завьялова Л., Орлов К.* Великий князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи: История семьи. СПб., 2009.

Великая княгиня Александра Иосифовна

Александрой Иосифовной (до восьмого поколения) и продолжительной связи с Анной Васильевной Кузнецовой (до шестого поколения)[5].

Существенную роль семейным отношениям великого князя отводит в своей монографии М. Штадельман. Анализируя деятельность Константина Николаевича после 1863 г., немецкий историк констатирует, что, в отличие от ряда провоцировавших семейные скандалы увлечений представителей правящей династии в петербургском бомонде, отношения великого князя с «артисткой балета Анной В. Кузнецовой переросли в нечто серьезное»[6]. Проводится параллель между внебрачными отношениями Константина Николаевича и Александра II: «Можно предположить, что Константин был так терпим к морганатической связи своего брата не в последнюю очередь потому, что сам много лет владел второй, неофициальной семьей, — еще одна неоспоримая причина неприязни Александра III, который был неумолимо строг в вопросах семьи и брака»[7].

---

[5] Там же: С. 553–567. Сост. по: *Сапожников С.А.* Потомство великого князя Константина Николаевича от А.В. Кузнецовой // Историческая генеалогия. 1993. № 2. С. 22–25; *Медведкова М.М.* Дополнения и исправления к статье С.А. Сапожникова // Историческая генеалогия. 1994. № 3. С. 4.

[6] *Stadelmann M.* Grobfürst Konstantin Nikolaevič. Der persönliche Faktor und die Kultur des Wandels in der russischen Autokratie. Wiesbaden, 2012. P. 418.

[7] Ibid.

Анна Васильевна Кузнецова

Схожие параллели в «большой семье Романовых» проводят Е.В. Анисимов и Ю.А. Сафронова. Отмечается, что императрица Мария Александровна «осталась за пределами того мира, в котором бурно жил теперь ее муж, а также его брат Константин»[8]. Упоминая братьев Константина Николаевича и Николая Николаевича в контексте брака Александра II и Е.М. Долгоруковой, Ю.А. Сафронова пишет, что политическое положение великих князей осенью 1880 г. «было очень шатким, а семейные дела чрезвычайно запутанными»[9]. Мраморный дворец «иначе как "притоном разврата" не именовали», а Константин Николаевич «не являл собой образец примерного семьянина» и, «в отличие от старшего брата, второй семье верности он не хранил»[10]. «Летописец великокняжеских скандалов», адъютант Константина Николаевича А.А. Киреев в своем дневнике также отмечал большее соблюдение приличий императором: «Это во всяком случае обставлено лучше, чем у Константина Николаевича». Кроме того, Александр II «взял любовницу не на кухне, а из большого света, а тут все кухарки»[11].

---

8 *Анисимов Е.В.* Пленницы судьбы. СПб., 2007. С. 342.

9 *Сафронова Ю.А.* Екатерина Юрьевская. Роман в письмах. СПб., 2017. С. 246.

10 Там же.

11 Цит. по: *Сафронова Ю.А.* Указ. соч. С. 246–247.

Платон Александрович Кусков

Отдельного внимания заслуживают статьи Е.Б. Кочетовой[12] и Н.В. Антоновой[13]. Авторы рассматривают взаимоотношения Константина Николаевича и Анны Васильевны в русле микроистории и частично вводят в научный оборот ранее не использовавшиеся источники: письма Константина Николаевича к Кузнецовой за 1880-е гг., отдельные письма из частного архива их праправнучки.

Важным вкладом в изучение частной жизни Константина Николаевича является полная публикация воспоминаний поэта П.А. Кускова, которая была осуществлена Ю.А. Кузьминым по материалам фонда профессора Б.В. Никольского в Государственном архиве Российской Федерации. Публикатором отмечается, что Кусков пишет «достаточно откровенно», так как про великого князя «ходило много несправедливых слухов». С текстом мемуаров «ознакомились как законные, так и незаконные потомки великого князя Константина Николаевича»[14]: сам мемуарист П.А. Кусков, его сын Павел, Б.В. Ни-

---

[12] *Кочетова Е.Б.* Страницы семейной истории великого князя Константина Николаевича. Новые документы // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы. 2005. № 8.

[13] *Антонова Н.В.* Из истории дома 18 по Английскому проспекту // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. 2007. № 14.

[14] *Кузьмин Ю.А.* Воспоминания П.А. Кускова о великом князе Константине Николаевиче. Вторая половина XIX в. // Исторический архив. 2008. № 4. С. 158.

кольский, великий князь Константин Константинович, князь Олег Константинович, управляющий двором великой княгини Александры Иосифовны П.Е. Кеппен, Марина Константиновна Ершова (Князева) — дочь от Кузнецовой.

В современной отечественной историографии можно выделить работы С.А. Сапожникова, А.А. Шумкова, М.М. Медведковой, К.А. Губастова[15], которые рассматривают генеалогию союза великого князя и Кузнецовой. Среди зарубежных исследований специального внимания заслуживает работа французского генеалога Ж. Феррана «Внебрачные потомки государей и великих князей России с 1762 по 1910 г. Генеалогический свод». Он отмечает, что «в период с XVI по XX в. большинство европейских дворов жили в страхе перед морганатическими браками, тайными или незаконными союзами. Многие представители правящих династий подорвали моральные устои эпохи, вступив в одну или несколько любовных связей, от которых иногда имели одного или несколько внебрачных детей. Российский двор не избежал такого положения вещей, хотя происходившие там семейные события не сделали его одним из самых скандальных дворов в Европе...»[16]. В предисловии к росписи потомков Константина Николаевича и Анны Васильевны Ж. Ферран указывает, что «сведения о Кузнецовой взяты из генеалогического сборника, посвященного семье Лялиных, и из переписки покойной Анны Александровны Арсеньевой (Ершовой) и Льва Николаевича Лялина, с одной стороны, и Марии Китчин (Kitchin) — их общей подруги, с другой. В частности, эта переписка включает семейные воспоминания, свидетельства о родственниках и друзьях, пропавших без вести, а также некоторые выдержки из писем. Эти сведения дополняются, дублируются или корректируются и, в любом случае, представляют собой ценный источник информации, который трудно найти где-либо еще»[17].

В качестве отдельного направления исследований по интересующей нас теме выступают работы по изучению равнородности в император-

---

[15] *Сапожников С.А.* Указ. соч.; *Шумков А.А.* О дворянстве Князевых // Историческая генеалогия. 1994. № 3. С. 4–5; *он же.* О дворянстве Князевых // Дворянский вестник. 1995. № 9 (19). С. 7; *Медведкова М.М.* Указ. соч.; *Губастов К.А.* Генеалогические сведения о русских дворянских родах, произошедших от внебрачных союзов. Справочник. СПб., 2003.

[16] *Ferrand J.* Descendances naturelles des souverains et grands-ducs de Russie de 1762 à 1910. Répertoire Généalogique. P., 1995. P. 3.

[17] Ibid. P. 342.

ской фамилии, династических статусов и законодательства, а также морганатических браков представителей правящей династии[18].

В фокусе данной статьи находятся отношения Константина Николаевича с великой княгиней Александрой Иосифовной и с балериной А.В. Кузнецовой. Предстоит изучить формы репрезентации этих женщин и их статуса, а также возможности женского влияния на принятие решений в публичной сфере.

Исследование выполнено на материалах фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива военно-морского флота, Российского государственного архива литературы и искусства, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Центральным звеном источниковой базы являются источники личного происхождения: письма императора Александра II Константину Николаевичу за 1862–1863 гг., письма Н.К. Краббе[19] Константину Николаевичу за 1861–1875 гг., письма Константина Николаевича А.В. Кузнецовой за 1883 г., письмо великого князя дочерям Марине и Анне Князевым от 7 июля 1886 г.[20] и одна из машинописных копий воспоминаний П.А. Кускова, которая впервые вводится нами в научный оборот. Особое внимание уделяется делопроизводственным документам придворной конторы великого князя Константина Николаевича, опубликованным дневникам, воспоминаниям и письмам его современников: великого князя Александра Михайловича, Д.А. Милютина, А.А. Половцова, И.С. Тургенева, С.Ю. Витте, М.Ф. Кшесинской, Л.А. Тихомирова, Дж.Ф. Лубата.

Брак с великой княгиней Александрой Иосифовной был подчинен власти публичных институтов, регламентам и традициям. Несмотря на то что фигура Александры Иосифовны остается малоизученной, можно утверждать, что великая княгиня в качестве представителя правящего

---

[18] *Попова Г.А.* «Лучше счастливо, чем выгодно». Морганатический брак герцога Г.Г. Мекленбург-Стрелицкого // Последние Романовы и императорские резиденции в конце XIX — начале XX века. СПб., 2009; *Соколов А.С.* Морганатические браки Романовых второй половины XIX–XX в.: «социальный лифт» для неравнородных супруг и утрата династического статуса их потомками // Генеалогический вестник. 2021. № 64; *Барташев Д.С.* Проблема равнородности и морганатические браки в Российской императорской фамилии // Клио. 2021. № 2; *он же*. Династическое законодательство императора Александра III // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27. № 2.

[19] *Николай Карлович Краббе* (1814–1876) — адмирал, управляющий Морским министерством в 1860–1874 гг.

[20] Дворянский вестник. 1995. № 7–8 (17–18). С. 7.

Николай Карлович Краббе

дома выполняла важную репрезентативную роль. Рубежным моментом для установления гендерной дифференциации ролей в великокняжеской чете является период наместничества Константина Николаевича в Царстве Польском в 1862–1863 гг.

Согласно дневниковым записям великого князя, императорская чета разделяла желание Александры Иосифовны отправиться в Варшаву вместе с мужем[21]. В июне 1862 г. Александр II направил Константину Николаевичу конфиденциальную инструкцию, в которой важное место отводилось роли Александры Иосифовны при великом князе. Предостерегая брата-наместника от резких публичных действий и обращая внимание на влияние дам на общественное мнение, он писал: «Приветливое, ровное и учтивое обращение с ними Санни[22] может иметь, я уверен, самое лучшее влияние. Надеюсь вообще, что она будет тебе помогать, в кругу ее женских обязанностей, в особенности по учебной и по благотворительной части, показывая и принимая как в том, так и в другом деятельное участие, но не иначе как с твоего ведома и с моего разрешения. Другого женского вмешательства в дела я не допускаю и быть не должно. Убедительно тебя прошу наблюдать, чтобы кругом вас не было ни сплетней, ни ссор

21 Дневники великого князя Константина Николаевича. 1858–1864. М., 2019. С. 367.

22 Домашнее имя великой княгини Александры Иосифовны в кругу членов императорской фамилии — Санни.

и чтобы все знали и чувствовали, что ты и у себя дома хозяин и голова семейства»[23].

Ровно через год, в июне 1863 г., император вновь обращался к брату в письме «с колкостями для Санни». Акцент делался на необходимости четкого соблюдения инструкции, данной самодержцем: «Постоянное ее (Александры Иосифовны. — *Я.Д.*) сопутствие тебе, даже на всех смотрах войск, нахожу неприличным, и, прости мне выражение, делает вас посмешищем. Посещение ее раненых, вместе с тобою, весьма похвально, но чтобы ты иначе не мог выезжать как с нею, что с ее точки зрения я нахожу очень натуральным, странно и даже смешно. Не сердись на меня, что я вмешиваюсь, так сказать, в ваши домашние привычки, но дружба дружбой, а служба службой. Ты не должен забывать, что ты официальное лицо и во всех служебных случаях должен являться таким, т.е. один, без дамского непременного сопровождения. Из этого не следует, что я запрещаю ей быть иногда на смотрах войск, но я не могу потерпеть, что она тебя сопровождает всюду, как тень. Не сердись на эти истины, но мой долг сказать тебе это из дружбы к вам обоим и чтобы каждый из вас умел держаться в своем круге. При этом я должен опять сослаться на мою прошлогоднюю инструкцию, где я тебе ясно указал роль, которую жена твоя должна играть при тебе. Требую от тебя, любезный Костя, чтобы ты этим непременно руководствовался, и чтобы все знали и видели, что ты и у себя дома хозяин и глава семейства»[24]. Константин Николаевич реагировал в дневнике словами: «Как трудно угодить Петербургу»[25].

Гендерная дифференциация символических ролей высших представителей власти в конфликтогенном регионе влияла на межличностные отношения супругов. Подданные российского императора должны были видеть, что великий князь-наместник и в семейной жизни является непререкаемым авторитетом.

Совсем другое позиционирование Александры Иосифовны прослеживается во второй половине 1860-х гг. Основываясь на записях членов американских миссий и переписке приближенных к большому двору лиц в августе 1866 г., В.В. Носков делает вывод, что «представительницы женской половины императорской фамилии... соперничали за право

---

[23] РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 323. Л. 3—3 об.

[24] Дневники великого князя Константина Николаевича... С. 520 (в источнике часть текста написана на французском языке. Перевод дан издателями дневника).

[25] Там же. С. 442.

Великая княгиня Александра Иосифовна. *Худ. Франц Ксавьер Винтерхальтер*

принять у себя американских гостей, поэтому Шереметеву[26] оказалось труднее всего организовать их представление великим княгиням, ревниво следившим за соблюдением принципа старшинства»[27]. Министр двора и уделов В.Ф. Адлерберг «разрешил представить американцев, если они желают, великим княгиням прежде представления императрице...»[28]. Первым об этом проинформировали управляющего двором великого князя Константина Николаевича Ю.Л. Тенгоборского.

Великая княгиня Александра Иосифовна принимала членов американских миссий во время отсутствия Константина Николаевича в Санкт-Петербурге. Известны случаи, когда распоряжения великой княгини о приеме американцев накладывались на приглашения других великокняжеских дворов или вносили существенные коррективы в общий график пребывания миссий в России, что вызывало дополнительные трудности церемониального характера[29].

Наиболее показательным приемом стал завтрак в Константиновском дворце, на котором присутствовали великая княгиня, великая княжна Ольга Константиновна, ее воспитательница баронесса Клемен-

---

[26] *Сергей Сергеевич Шереметев* (1821—1884) — церемониймейстер двора его императорского величества.

[27] *Носков В.В.* Американские дипломаты в Санкт-Петербурге в эпоху Великих реформ. СПб., 2018. С. 557.

[28] Там же.

[29] Там же. С. 558, 562.

тина фон Ранцау, фрейлины — графини М.Э. Келлер и А.Е. Комаровская, «некоторые другие лица»[30], а также члены американской военно-морской экспедиции — капитан первого ранга Г.В. Фокс, его секретарь Дж.Ф. Лубат, капитаны А. Мюррей и Дж. Бомон. В.В. Носков, основываясь на книге Дж.Ф. Лубата[31], пишет, что «сама хозяйка, ее дочь и другие дамы использовали в своих туалетах мотивы американского флага»[32].

Мы видим, что на протяжении 1860-х гг. Александра Иосифовна в разных обстоятельствах выполняла различные роли, которые напрямую соотносились с властным статусом Константина Николаевича и отвечали позиционированию великокняжеской четы в символическом пространстве Дома Романовых.

В те же годы у Константина Николаевича начинаются отношения с А.В. Кузнецовой — артисткой петербургской труппы балета императорских театров. Некоторые исследователи датируют их знакомство концом 1860-х гг.[33] Согласно П.А. Кускову, «это было, кажется, в 1865 году вслед за Польшей после Катковских статей против великого князя»[34].

В воспоминаниях Кускова фигурирует несколько событий, которые позволяют верифицировать дату. Первое из них датируется летом 1866 г., когда А.В. Кузнецова больше месяца гостила на даче поэта в Лесном[35] под Санкт-Петербургом. В тот период «к ней беспрестанно приходили письма, и она каждый день относила к кому-то письма на почту; но никогда никто не видал, по какому адресу отправлялись эти письма»[36]. Тогда же на дачу заезжал Н.К. Краббе, «который сам по себе был знаком с Анной Васильевной; но, конечно, тот визит был с его стороны любезность по адресу великого князя»[37].

Факт знакомства Н.К. Краббе с А.В. Кузнецовой, его роль доверенного лица в поддержании контактов с ней подтверждаются более поздним письмом Николая Карловича Константину Николаевичу от 21 августа 1873 г.: «А.В. (Анне Васильевне. — *Я.Д.*) передано ваше желание иметь от

---

30 Там же. С. 582.

31 *Loubat J.F.* Narrative of the Mission to Russia, in 1866, of the Hon. Gustavus Vasa Fox, Assistant-Secretary of the Navy, from the Journal and Notes of J.F. Loubat. N.Y., 1873.

32 *Носков В.В.* Указ. соч. С. 582.

33 *Антонова Н.В.* Указ. соч. С. 81.

34 ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1444. Л. 62.

35 Лесной участок, или Лесная часть — единица дореволюционного административно-территориального деления Санкт-Петербурга, пригородный участок.

36 ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1444. Л. 65.

37 Там же.

нее письма с каждым фельдъегерем. Настоящее письмо, со вложением письма А.В., везет Сарычев[38]»[39].

Посредством обращения к Краббе, с «согласия великого князя, но без его участия», Кузнецова удовлетворяла просьбы многочисленных «бедных и неудалых» родственников отца — артиста Александринского театра В.А. Каратыгина, которые «не хотели, конечно, ее прежде и знать и смотрели на нее с пренебрежением»[40]. Она же «всех их, молча, не отвечая на их письма, устроила; но устроила на соответственные их способностям места» и не обращалась при этом к великому князю «ни с единой просьбой, которая не была бы явной, не подлежащей никакому сомнению, благотворительностью»[41].

Второе событие связано с театром. «Позднее, когда она была уже знакома с великим князем, — писал П.А. Кусков, — она была раз приглашена на бенефисный ужин к одной из заезжих к нам балетных известностей. За этим ужином ее сосед стал объяснять ей, что такое ожидавшийся тогда новый цензурный устав...»[42] Речь идет о балерине Генриетте Дор, в чей бенефис давали балет «Царь Кандавл», «в котором Анна Васильевна исполняла роль царицы»[43]. Премьера балета с участием Г. Дор состоялась на сцене Большого (Каменного) театра в Санкт-Петербурге 29 октября 1868 г. Следовательно, речь может идти не о введении цензурного устава (1865 г.), а о законе от 14 июня 1868 г.[44]

Кусков писал, что великий князь «в первое время знакомства своего с Анной Васильевной, т.е. в первые те восемь лет, когда любовь к ней у него была совершенно платоническая, всячески старался спасти от огласки свое знакомство с ней. Он делал это не столько для себя, сколько для нее, — чтобы не бросить пятна на ее доброе имя»[45]. С 1868 г.

---

38 *Федор Васильевич Сарычев* (1829–1884) — контр-адмирал, управляющий двором Константина Николаевича с 1873 г.

39 РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 364. Л. 24 об. –25.

40 ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1444. Л. 69.

41 Там же.

42 Там же. Л. 61.

43 Там же.

44 ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 43. Ч. I. № 45973. 14 июня 1868. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, объявленное Сенату министром внутренних дел 24-го того же июня. Относительно розничной продажи периодических изданий на улицах, площадях и в других публичных местах и торговых заведениях. Также см.: *Патрушева Н.Г.* Цензура и печать в России в конце 1860-х — начале 1880-х гг. (История цензурной контрреформы) // Solanus. New Series. 1997. № 11.

45 ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1444. Л. 19.

и особенно в 1870-е гг. активно формировался круг общих знакомых и завсегдатаев вечеров Анны Васильевны и Константина Николаевича. П.А. Кусков с его невестой Е.А. Кашириной[46] познакомились с великим князем весной 1868 г. Кузнецова проживала тогда «в доме Чайковской против Николы Морского через дом или два от угольного дома, в котором помещался тогда статс-секретарь по делам Царства Польского, в нижнем этаже на улицу»[47].

Совместный круг общения постепенно расширялся. П.А. Кусков писал: «Первые шли все от нас: общие сослуживцы моей жены и Анны Васильевны: Кузьмина Мария Николаевна — эта святая в балетной труппе, и еще Анна Ивановна Штурм — тоже в своем роде подвижница...»[48] «Потом, — сообщает Кусков, — пошли: моя сестра, моя мать, после них — кн. Ухтомский, Грейг, Краббе, музыканты, игравшие с великим князем квартеты; наконец, Чайковский[49] и его жена, Ольга Павловна... Стали являться Рубинштейн Николай, Айвазовский, Давыдов, Попов Андрей Александрович, кн. Орбельяни, Голенко — всех и не перечислить»[50].

Военный министр в царствование Александра II Д.А. Милютин вспоминал о том, как в окружение великого князя попал профессор Императорской медико-хирургической академии В.М. Флоринский. «Несколько скандалезная» история была такова: «У любовницы Константина Николаевича (актрисы Кузнецовой) заболел ребенок; великий князь встревожился, рассылал ночью за докторами; двое отказались приехать, но третий, Флоринский, приехал, и хотя ребенок все-таки умер, однако же случай этот сблизил Флоринского с великим князем, и раз, находясь с ним в среде незаконной его семьи, он усердно занялся внушением великому князю необходимости отделения Академии от Военного министерства»[51]. Данное разбирательство закончилось в пользу оставления академии в рамках военного ведомства, а Д.А. Милютин записал, что заседание Комитета министров «прошло гораздо благоприятнее» для него, чем можно было

---

[46] *Елизавета Александровна Каширина* (1844–1894) окончила училище на год позже А.В. Кузнецовой (в 1863 г.), была определена в балетную труппу танцовщицей-корифейкой с окладом в 300 р. и единовременным пособием в 40 р. См.: 200 лет Ленинградского Государственного хореографического училища. Материалы по истории русского балета: 1738–1938. Л., 1938. Т. I. С. 245.

[47] ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1444. Л. 71.

[48] Там же. Л. 53.

[49] *Илларион Яковлевич Чайковский* (1831–1908) — генерал-майор, с 1904 г. контр-адмирал.

[50] ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1444. Л. 8, 54.

[51] *Милютин Д.А.* Дневник. В 4 т. М., 1947. Т. I. С. 201.

ожидать. Константин Николаевич после заседания сказал Милютину: «Надеюсь, что мы будем еще многие годы идти вместе, рука в руку»[52].

В круг лиц, формировавшийся рядом с Константином Николаевичем и Кузнецовой, входили представители различных профессий и сословий. Окружение комплектовалось с обеих сторон. Активное взаимодействие с великим князем продолжали его адъютанты, служащие великокняжеского двора и Павловского городового правления, доверенные сотрудники Морского министерства, деятели искусства, в том числе — члены Императорского русского музыкального общества, покровителем которого великий князь являлся с 1873 г. «Было все очень просто, семейно и мило, — писал П.А. Кусков, — но только нигде великий князь не был так очарователен, как у Анны Васильевны, и нигде, конечно, нельзя было слышать таких интересных рассказов его о себе самом, о своем детстве, об отце, которого он боготворил, о братьях, сестрах — как тоже у Анны Васильевны. Тут, конечно, дело было не в стенах, а в людях: только у Анны Васильевны он чувствовал себя окруженным людьми, которым от него ничего не было нужно и которым поэтому не для чего было лгать перед ним»[53].

Пространство приватных коммуникаций во многом формировалось благодаря участию преданных великому князю чинов двора и адъютантов, служба которых приравнивалась в воспоминаниях Л.А. Тихомирова к «работе чиновника особых поручений, то есть по всем статьям, какие могут понадобиться начальнику»[54]. Упомянутый выше Ф.В. Сарычев являлся не единственным передаточным звеном в корреспонденции. Находясь на коронации Александра III в Москве, великий князь каждый день отправлял письма Кузнецовой и получал их от нее. Сообщая о том, что император положительно решил вопрос о признании статуса их совместных детей — Марины, Анны, Измаила и Льва[55], присвоив им фамилию Князевы, Константин Николаевич писал 14 мая 1883 г.: «Записку Набокова[56] и копию, подписанную им,

---

[52] Там же. С. 203.

[53] ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1444. Л. 79—80.

[54] *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000. С. 656; *Stadelmann M.* Op. cit. P. 381.

[55] Первенец Сергей родился в 1874 г. и в следующем году скончался. Именно о нем идет речь в воспоминаниях Д.А. Милютина. См.: *Милютин Д.А.* Указ. соч. С. 201.

[56] *Дмитрий Николаевич Набоков* (1826–1904) — временно управляющий делами канцелярии генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, гофмейстер двора Константина Николаевича в Варшаве, директор Комиссариатского департамента Морского министерства, сенатор, член Государственного совета и министр юстиции в 1878–1885 гг.

я тебе непременно пришлю, но не хочу этого делать по почте, а поручу пакет моему Шестакову[57], который вместе с Костей (великий князь Константин Константинович. — *Я.Д.*) отправится обратно в Питер в понедельник или во вторник»[58].

В письмах Константина Николаевича периода коронационных торжеств в Москве отразились родительские чувства и переживания. Они свидетельствуют о том, что проработка вопроса о статусе внебрачных детей началась еще в 1880 г. и решился он «не вполне в той степени», в какой «имели право ожидать»[59]. Речь идет о содержании указа, проект которого при восшествии на престол Александра III претерпел существенное изменение: детям было даровано не потомственное, а личное дворянство с присвоением фамилии Князевы и отчества по имени отца. «Тебе известно, — писал великий князь К.П. Голенко[60] 22 декабря 1880 г., — что я имею на своем попечении трех малолетних детей, подкинутых ко мне и принятых мною. Марина подкинута 8-го декабря 1875. ...Ты был ее восприемником. Анна подкинута 16 марта 1878 года. ...Восприемником ея был Ф.В. Сарычев. Наконец, Измаил подкинут 1-го августа 1879-го года... Он тоже твой крестник. Ныне, ввиду известных тебе обстоятельств, прошу тебя, этих трех моих воспитанников принять на твое попечение, считать их твоими воспитанниками и заботиться об устройстве их дальнейшей судьбы, принимая те меры, которые признаешь для них полезными»[61].

В мае 1883 г. К.П. Голенко подал личное прошение о статусе детей Александру III[62]. То, что именно он был просителем, подтверждается письмом Константина Николаевича от 14 мая: «Итак, слава Богу, дело сделано!!! Надо ожидать теперь просто формального исполнения, т.е. присылки Голенки формальной, скрепленной копии»[63]. Несмотря на положительное решение императора, оставалось немало формальностей для деликатного урегулирования вопроса о сословном статусе. «Надо будет еще потолковать с Набоковым, — сообщал великий князь Кузнецовой, — как написать исполнительные бумаги, так чтоб не могло остаться

---

57 *Иван Алексеевич Шестаков* (1820–1888) — адмирал, управляющий Морским министерством в 1882–1888 гг.

58 ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1175. Л. 4.

59 Там же.

60 *Константин Петрович Голенко* (1823–1884) — морской офицер, управляющий городом Павловск и мызой Стрельна с 1872 г., впоследствии управляющий имениями великого князя Константина Николаевича.

61 Цит. по: *Антонова Н.В.* Указ. соч. С. 82.

62 *Завьялова Л., Орлов. К.* Указ. соч. С. 257; *Ferrand J.* Op. cit. P. 344.

63 ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1175. Л. 4.

ни малейшего сомнения насчет личностей, о которых идет речь. Надеюсь, что он найдет такую форму, которая бы это вполне обеспечивала. Я потому про это говорю, что в подписанной бумаге, хотя выставлены все четыре имени, но номера, которые поименованы в бумагах Тезки (К.П. Голенко. — *Я.Д.*), в ней не прописаны. Так этого оставить, разумеется, нельзя, могут выйти путаницы и недоразумения. Поэтому необходимо, чтоб в исполнительных бумагах этот пробел был пополнен»[64].

Н.В. Антонова на основании данных метрической книги Никольского собора определяет временем первого упоминания фамилии Князевы 8 декабря 1875 г., когда «был подкинут Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу и принят на его попечение младенец Марина Князева по крестном отце Константиновна»[65]. Несмотря на то что метрические книги фиксировали сословную принадлежность, в них допускалось большое количество неточностей. Это происходило, в частности, потому, что «все сведения чаще всего вносились в метрическую книгу со слов восприемников, в том числе сведения о родителях ребенка»[66], а определение фамилии «не входило в компетенцию священно-, церковнослужителей, и они не несли за ошибки никакой ответственности»[67].

Можно утверждать, что использование фамилии было закреплено в 1875 г. записью о новорожденной в метрической книге. Однако главным основанием для присвоения фамилии и отчества воспитанникам, «подкинутым» Константину Николаевичу, явилось высочайшее повеление.

Вышеупомянутые события не нашли отражения в ежедневном журнале о времяпрепровождении великой княгини Александры Иосифовны с момента прибытия великокняжеской четы на коронацию до конца июня 1883 г.[68] В журнале отсутствуют записи об А.В. Кузнецовой, переписке с ней великого князя или определении статуса ее детей.

С момента появления у великого князя второй семьи коммуникации в его ближайшем окружении начали выстраиваться по территориальному принципу. Вспоминая работу над переводами французских хоров для русской оперы, П.А. Кусков писал: «Эти переводы открыли мне официально двери во дворец великого князя, но так как мне все равно делать там было

---

64 Там же.

65 Цит. по: *Антонова Н.В.* Указ. соч. С. 81.

66 *Антонов Д.Н., Антонова И.А.* Метрические книги России XVIII — начала XX в. М., 2006. С. 168.

67 Там же. С. 162.

68 РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 473.

нечего, то я бывал официально там очень редко. Это дало только великому князю возможность приглашать меня иногда к себе по пятницам, когда часа два перед обедом у него была музыка»[69]. Гостей на музыкальных мероприятиях у великого князя «обыкновенно не было». Константин Николаевич в партии виолончели и приглашенные музыканты исполняли классические произведения камерной музыки. После музыкальной части все, в том числе «случайно приглашенные послушать, приглашались и к столу великого князя» и «пользовались совершенно одинаковым его вниманием»[70]. Среди участников обедов Кусков также упоминал адъютантов Константина Николаевича и его детей с их руководителями. Александра Иосифовна «в эти дни обедала особо, не желая обедать в "подлом" обществе»[71].

И.С. Тургенев в письме П.В. Анненкову в феврале 1882 г. сообщал, что находился с Константином Николаевичем в «приятельских отношениях» и тот привел его «к своей quasi-жене Кузнецовой, с которой он здесь живет maritalement (*фр.* — как супруги) — трое детей, а она простая, некрасивая и очень тихая и скромная горничная»[72]. Речь идет о небольшом особняке на Английском проспекте в Санкт-Петербурге, который был приобретен с участком земли Кузнецовой в январе 1876 г. за 64 тысячи рублей (в том числе 22 тысячи рублей, взятые в долг по закладной бумаге Санкт-Петербургского городского кредитного общества). Одноэтажный дом был перестроен в двухэтажный особняк по проекту архитектора И.И. Шапошникова и под руководством главного инспектора по строительной части Морского технического комитета А.Н. Чикалева. Перестройка обошлась в 10 тысяч рублей, к которым добавилось движимое имущество стоимостью 9 тысяч рублей — мебель, картины, книги, фарфор и скульптуры из мрамора[73].

Именно этот дом вспоминала его хозяйка с 1892 г. балерина М.Ф. Кшесинская: «Построен он был великим князем Константином Николаевичем для балерины Кузнецовой, с которой он жил... Дом был двухэтажный, хорошо обставленный, и был у него хороший большой подвал. За домом был небольшой сад, обнесенный высоким каменным забором. В глубине были хозяйственные постройки, конюшня, сарай. А позади построек снова был сад, который упирался в стену парка великого князя Алексея Александровича. При переезде в дом я переделала

---

69 ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1444. Л. 78.

70 Там же. Л. 79.

71 Там же.

72 Цит. по: *Завьялова Л., Орлов К.* Указ. соч. С. 255.

73 *Антонова Н.В.* Указ. соч. С. 80.

Великий князь Константин Николаевич

только спальню на первом этаже, при которой была прелестная уборная. В остальном я оставила дом без изменения»[74].

Интерьеры особняка на Английском проспекте обустраивались без излишеств и со вкусом. «Два раза, — писал П.А. Кусков, — мне пришлось быть свидетелем разговоров между великим князем и Сорычевым (Ф.В. Сарычевым. — *Я.Д.*) о том, как раздобыть в одном случае 500 руб., а в другом 900 руб. на покупку для Анны Васильевны понравившихся великому князю — и, может быть, главным образом своей дешевизной, картин: Айвазовского — "Ледокол у Летнего сада" («Ледоколы на Неве в Санкт-Петербурге», 1877 г. — *Я.Д.*), и Трутовского — "Ночное свидание" (1865 г. — *Я.Д.*). Недели две шли в обоих случаях разговоры, на какой источник отнести этот расход».

Константин Николаевич и Анна Васильевна проживали не только в Санкт-Петербурге. С мая[75] они обосновывались на одной из собственных дач великого князя — Ушаковских дачах в Павловске[76], а также посещали Крым (Ореанда)[77]. Приобретенная в великокняжескую соб-

---

74 *Кшесинская М.Ф.* Воспоминания. М., 1992. С. 41.

75 ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1175. Л. 13.

76 Еще одной дачей, находящейся в собственности великого князя, была так называемая Александрова дача. Эта территория была приобретена Константином Николаевичем в 1879 г. См.: *Семенова Г.В.* Великокняжеские дачи города Павловска // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ). 1996. № 2.

77 *Половцов А.А.* Дневник Государственного секретаря. В 2 т. М., 2005. Т.II: 1887–1892. С. 238; Дворянский вестник. 1995. № 7–8 (17–18). С. 7.

ственность в 1868 г. дача находилась «у линии железной дороги между Софийским водопроводом и районом Большой Звезды Павловского парка»[78]. Она строилась по проекту академика архитектуры А.В. Петцольда и реконструировалась по указанию великого князя архитектором И. Потоловым и садовником Ф. Катцером. Некоторые хозяйственные постройки были приспособлены для жилья и сдавались в аренду в летнее время[79]. Летом 1874 г. по предложению Константина Николаевича там поселился П.А. Кусков, вспоминавший, что великий князь «хотел даром нам дать помещение», но, встретив отказ, «просто нанял там дачу на общих основаниях с платою по 250 руб. в лето»[80].

Г.В. Семенова дает в своей статье подробное описание дачной территории: «Главный усадебный дом находился на углу Павловского шоссе и дороги в д. Гуммаласары. Он был деревянным, двухэтажным, на каменном подвальном этаже, с каменной башней высотой в 17 саж. Смежно с домом был устроен зимний сад на каменном фундаменте и 18 чугунных столбах. С помощью галереи дом соединялся с двухэтажным жилым флигелем с мезонином. В числе построек было еще несколько жилых флигелей, конюшни, ферма со скотным двором, каретные сараи, кладовые, прачешная, оранжереи с теплицами. На территории дачи имелись также два вырытых пруда и парк... В огороде устроено 230 гряд под клубнику и земляннику, 150 гряд под “огородную овощь”, 360 кустов черной и красной смородины. Для сообщения между домами, а также для прогулок по парку проложили шоссированные щебнем с гравием ездовые и пешеходные дороги»[81]. Становятся понятными чувства Константина Николаевича, который писал Кузнецовой из Москвы: «Как я вам завидую, что вы теперь там на покое, да в хорошем воздухе, среди молодой свежей зелени! Как бы мне хотелось застать еще в Павловске цвет сирени. Здесь хотя она уже цветет, но, живучи в городе, я ей, разумеется, жуировать не могу. Скажи мне, кому ты поручила смотреть за городским домом, наблюдать за ним? Сговорилась ли с соседским дворником или остановилась на какой-нибудь другой комбинации»[82].

В письме от 7 июля 1886 г. великий князь сообщал своим внебрачным дочерям Марине и Анне в Ореанду из Павловска о том, что в этом пригороде столицы «очень хорошо при хорошей погоде, парк так хорошо

78 *Семенова Г.В.* Указ. соч. С. 201.

79 Там же. С. 202.

80 ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1444. Л. 80.

81 *Семенова Г.В.* Указ. соч. С. 202.

82 ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1175. Л. 13.

пахнет свежим сеном и липой»[83]. В парке «гуляет много народа, много детей, которые собираются на сетке, у розового павильона и в вокзале от 2 часов до 4, когда там играет военная музыка»[84]. Константин Николаевич встречал «старых знакомых» дочерей — Настю Кеппен и Олю Будзинскую[85].

Письмо содержит информацию о времяпрепровождении детей, их любимых занятиях, воспитании и образовании, а также о круге общения. Как и законного сына Константина[86], великий князь учил дочерей составлять «цыдули»[87] и вести переписку: «Сердечное искреннее спасибо вам, дорогие мои голубушки, дочурки мои милые Мариночка и Нюта, за ваши милые цыдулки от 1-го июля на французском языке. Вы себе и вообразить не можете, какое Вы мне этим доставили удовольствие»[88]. В том же письме отец сообщает детям, что приобрел молитвенники, по которым «можно будет следить за службою в Церкви; купил и книжки для приятного чтения по-русски и по-немецки. При них есть и много хорошеньких и интересных картинок»[89].

Ушаковские дачи неоднократно фигурировали в переписке П.А. Кускова. В мае 1888 г. он указал в письме В.В. Розанову[90] свой адрес: «г. Павловск (СПетербургской губернии) на Ушаковские дачи великого князя Константина Николаевича (по Царскосельскому шоссе)»[91]. Спустя 14 лет, в мае 1902 г., Кусков информировал О.А. Фрибес, что письма «следует адресовать: Павловск (Царскосельского у.). Главная улица, дача А.В. Князевой»[92].

С.Ю. Витте вспоминал, что «одной из причин некоторого нерасположения со стороны императора Александра III к великим князьям Константину Николаевичу и Николаю Николаевичу было то, что эти

---

83 Дворянский вестник. 1995. № 7–8 (17–18). С. 7.

84 Там же.

85 Там же.

86 Вопрос о важности корреспонденции с членами семьи и значении корректного составления «цыдуль» поднимался в переписке Константина Николаевича с Константином Константиновичем в 1876–1877 гг., когда последний совершал плавание на фрегате «Светлана» под руководством великого князя Алексея Александровича. См.: ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 114. Л. 6 об., 19, 19 об.

87 Ироничное значение для семантического определения записки или письма.

88 Дворянский вестник. 1995. № 7–8 (17–18). С. 7.

89 Там же.

90 *Василий Васильевич Розанов* (1856–1919) — религиозный философ, литературный критик, переводчик и публицист.

91 РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 507. Л. 12.

92 РГАЛИ. Ф. 2168. Оп. 1. Д. 13. Л. 40 об.

великие князья обзавелись побочными семьями, побочными женами из балета, и с этими балетчицами они жили совершенно maritalement»[93]. Проживая в Крыму, Константин Николаевич представлял А.В. Кузнецову знакомым со словами: «В Петербурге у меня казенная жена, а здесь собственная»[94]. Ю.А. Сафронова отмечает, что «после смерти императрицы (Марии Александровны. — *Я.Д.*) А.А. Киреев предсказывал не только новый брак Александра II, но и "радость" по этому поводу его братьев, которые в случае смерти своих жен поступят точно так же»[95]. При этом он ссылался на высказывание самого Константина Николаевича. В дневнике 25 мая 1880 г. Киреев записал: «...Оба ночевать к своим содержанкам, это возмутительно глупо! Государь, правда, поступает не лучше»[96]. Жизнь с Кузнецовой и детьми от нее мемуарист ассоциировал с пасторальными аксессуарами: «соломенной пастушеской шляпой, свирелью и барашками, пасомыми пастушками»[97].

Вопрос о правах и статусе потомства, которое не признавалось частью императорской фамилии, но было связано с ней родством, вызывал дискуссии с 1820-х гг. — с момента женитьбы великого князя Константина Павловича на Иоанне Грудзинской и появления в династическом законодательстве Российской империи нормы о морганатических браках членов правящей династии и их потомстве[98].

Для будущего Александра III потрясением явились морганатический брак отца-императора с княгиней Е.М. Юрьевской (Долгоруковой) и поведение новой супруги «в смысле каких-то отношений ее с различными дельцами, добыча в пользу этих дельцов различных концессий и льгот»[99]. Источники не позволяют говорить о подобных злоупотреблениях положением Кузнецовой. Кусков писал, что как только стало заметно внимание, «которое оказывали Константин и Николай Кузнецовой и Числовой, так их услужливое начальство стало их назна-

---

93 *Витте С.Ю.* Воспоминания. В 3 т. М., 1960. Т. I: Детство. Царствования Александра II и Александра III. С. 423.

94 *Половцов А.А.* Указ. соч. С. 238. Встречается и несколько иная редакция: «В Петербурге у меня казенная жена, а здесь — законная». См.: *Андреев В.Е.* Семейный конфликт (к вопросу о взаимоотношениях императора Александра III и великого князя Константина Николаевича) // Император Александр III и императрица Мария Федоровна. СПб., 2006. С. 18.

95 *Сафронова Ю.А.* Указ. соч. С. 247.

96 Там же.

97 Там же. С. 247–248.

98 См.: *Барташев Д.С.* Династическое законодательство... С. 491–504.

99 *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 405.

чать, и всегда ту и другую вместе, во всякие аллегри и благотворительные базары наравне с первыми красавицами французской, немецкой балетной и прочих театральных трупп»[100]. По данным «Материалов по истории русского балета», после окончания училища А.В. Кузнецова была определена в балетную труппу «с окладом в 400 руб. и единовременным пособием в 40 р.», затем «в 1868 г. ее оклад был увеличен до 600 р., в 1869 г. — до 700 р., в 1873 г. — до 800 руб. Дважды была за границей, получая отпуска с сохранением содержания, дважды получала длительные отпуска “для лечения ног”. В 1875 г. получила пенсион в размере 800 руб. и вышла в отставку»[101]. После 27 лет совместной жизни с Константином Николаевичем у Кузнецовой и их детей в качестве наследства остались дача в Павловске, личное дворянство и фамилия Князевы[102].

Отношения великого князя с А.В. Кузнецовой стали причиной внутреннего кризиса в великокняжеском семействе и импульсом для изменений в Доме Романовых. Они повлияли на великую княгиню Александру Иосифовну и привели к холодности Константина Николаевича в общении с законными детьми[103]. Серьезным вызовом для него и его младших братьев — Николая и Михаила явилась реформа Александра III в области династического законодательства. Поводом к ее проведению послужило ожидание в 1880-х гг. появления первых представителей следующего поколения правящего дома — правнуков императора Николая I, а именно первенцев великого князя Константина Константиновича[104]. Перспектива ограничения их прав была воспринята в Мраморном дворце с возмущением, Константин Николаевич и Александра Иосифовна были «положительно в бешенстве»[105]. Великий князь писал, что это «есть прямое нарушение принесенной присяги и есть прямое лишение прав состояния, есть проявление Самодержавия в самой дикой форме: нраву моему не препятствуй!»[106]. Константин Константинович писал в дневнике: «Это произвело целую

---

100 ОР РНБ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1444. Л. 73.

101 200 лет Ленинградского Государственного хореографического училища... Т. I. С. 243.

102 *Завьялова Л., Орлов К.* Указ. соч. С. 267; *Шумков А.А.* Указ. соч. 1994. С. 4; *Ferrand J.* Op. cit. P. 344.

103 *Завьялова Л., Орлов К.* Указ. соч. С. 258—260.

104 *Барташев Д.С.* Династическое законодательство... С. 494, 496.

105 *Половцов А.А.* Указ. соч. Т. I. С. 308.

106 Цит. по: *Барташев Д.С.* Династическое законодательство... С. 496.

бурю. Мои родители были в сильном негодовании. Что же касается меня, то я принял эту новость совершенно спокойно и нимало не считал себя обиженным... Я думаю, этот новый закон имеет даже весьма мудрое основание»[107].

Рассмотренные контексты семейной жизни великого князя Константина Николаевича позволяют уяснить характерные изменения «в представлениях о себе и своем статусе», «отход от традиционных представлений о роли, обязанностях и поведении членов династии»[108]. Наблюдения современников, дневники и переписка сыновей Николая I Александра, Константина и Николая фиксируют динамику соотношения частного и публичного в семейной жизни представителей правящей династии. В 1860–1880-е гг. в Доме Романовых произошел резкий рост внебрачных и морганатических связей, чему немало способствовал Константин Николаевич. Как отмечал В.Е. Андреев, «великий князь, очень высоко ценивший положение представителя императорского дома в обществе, в этом вопросе не считает эту любовную связь чем-то из ряда вон выходящим явлением, а говорит об этом как о предмете совершенно естественном и, можно сказать, нормальном»[109]. Однако внебрачные отношения Константина Николаевича «стали скандалом»: «Тот факт, что он самоотверженно заботился о своей второй семье, еще больше усиливал невыносимость — чисто сексуальные отношения были бы приняты гораздо любезнее»[110].

Процессы фрагментации личного пространства, изменения ближайшего окружения и сосуществования двух семей великого князя совпали с масштабными изменениями в Российской империи «между смертью железного правителя Европы Николая I и вступлением на престол его несчастного правнука, последнего Императора Всероссийского Николая II»[111]. Происходило «решительное расширение границ допустимого поведения для представителей рода»[112], когда «многие члены царствующего дома вышли из всякой дисциплины и из понимания того

---

[107] Там же. С. 496–497.

[108] *Феофанова Н.С.* Династические связи Российской императорской фамилии // Границы в пространстве прошлого: социальные, культурные, идейные аспекты. Тверь, 2007. С. 108.

[109] *Андреев В.Е.* Указ. соч. С. 18.

[110] *Stadelmann M.* Op. cit. P. 421.

[111] Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 39.

[112] *Феофанова Н.С.* Указ. соч. С. 109.

положения, что они должны служить своим поведением примером для общества»[113].

Частная жизнь великого князя может быть разделена на два периода: с 1848 г. до середины 1860-х гг. — время равнородного супружества Константина Николаевича с великой княгиней Александрой Иосифовной; с середины 1860-х гг. до 1892 г. — промежуток, когда помимо законной семьи у Константина Николаевича существовала семья с Кузнецовой. 1860–1870-е гг. явились рубиконом для семейной жизни великого князя: в июле 1862 г., в Варшаве, у великокняжеской четы родился младший наследник — Вячеслав, а в 1874 г. у Константина Николаевича появилось внебрачное потомство от А.В. Кузнецовой — старший сын Сергей.

Знакомство великого князя с балериной можно датировать 1865 г. С этого момента наблюдается перестройка коммуникаций в ближайшем окружении Константина Николаевича. Параллельное существование двух типов семейного уклада или «политических устройств»[114] семьи явилось одной из предпосылок радикальной трансформации ближайшего круга великого князя в 1860–1870-е гг. Если со второй половины 1840-х до середины 1860-х гг. окружение великого князя формировалось на основе патрон-клиентских отношений и рекрутации кадров для государственных преобразований, то позднее происходит синхронное конструирование обособленного приватного пространства, контуры которого складывались в русле взаимоотношений Константина Николаевича с Анной Васильевной Кузнецовой.

[113] *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 423.

[114] *Репина Л.П.* Указ. соч. С. 11.

REFERENCES

1. 200 let Leningradskogo Gosudarstvennogo horeograficheskogo uchilishcha. Materialy po istorii russkogo baleta: 1738–1938 / Sost. M. Borisoglebskij. V 2 t. T. I: Proshloe baletnogo otdeleniya Peterburgskogo teatra'nogo uchilishcha nyne Leningradskogo gosudarstvennogo horeograficheskogo uchilishcha. Leningrad: Leningr. gos. horeograf. uchilishche, 1938. 380 p.
2. *Andreev V.E.* Family conflict (on the issue of the relationship between Emperor Alexander III and Grand Duke Konstantin Nikolaevich) // Emperor Alexander III and Empress Maria Feodorovna: Materials of the scientific conference. Collected papers. [Semejnyj konflikt (k voprosu o vzaimootnosheniyah imperatora Aleksandra III i velikogo knyazya Konstantina Nikolaevicha) // Imperator Aleksandr III i imperatrica Mariya Fedorovna: Materialy nauch. konf. Sb. statej] Saint-Petersburg: Profi-Centr, 2006. P. 3–22.
3. *Anisimov E.V.* Prisoners of fate. [Plennicy sud'by] Saint-Petersburg: Piter, 2007. 368 p.
4. *Antonov D.N., Antonova I.A.* Parish books of Russia in the 18th — early 20th centuries. [Metricheskie knigi Rossii XVIII — nachala XX v.] Moscow: RGGU, 2006. 194 p.
5. *Antonova N.V.* From the history of house 18 on English Avenue // Proceedings of the State Museum of History of St. Petersburg. [Iz istorii doma 18 po Anglijskomu prospektu // Trudy gosudarstvennogo muzeya istorii Sankt-Peterburga] 2007. Iss. 14. P. 79–91.
6. *Bartashev D.S.* Dynastic legislation of Emperor Alexander III // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. [Dinasticheskoe zakonodatel'stvo imperatora Aleksandra III // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki] 2022. T. 27. Iss. 2. P. 491–504.
7. *Bartashev D.S.* The problem of homogeneity and morganatic marriages in the Russian imperial family // Clio. [Problema ravnorodnosti i morganaticheskie braki v Rossijskoj imperatorskoj familii // Klio] 2021. Iss. 2. P. 62–71.

8. Dnevniki velikogo knyazya Konstantina Nikolaevicha. 1858—1864. Moskva: Politicheskaya enciklopediya, 2019. 726 p.
9. *Feofanova N.S.* Dynastic connections of the Russian imperial family // Borders in the space of the past: social, cultural, ideological aspects: Collected papers. [Dinasticheskie svyazi Rossijskoj imperatorskoj familii // Granicy v prostranstve proshlogo: social'nye, kul'turnye, idejnye aspekty. Sb. statej] Tver': TvGU, 2007. In 3 vol. Vol. III. P. 101—111.
10. *Ferrand J.* Descendances naturelles des souverains et grands-ducs de Russie de 1762 à 1910. Répertoire Généalogique. Paris, 1995. 413 p.
11. State Archive of Russian Federation (GA RF). F. 722 (Konstantin Nikolaevich). Op. 1. D. 1175.
12. *Gubastov K.A.* Genealogical information about Russian noble families descended from extramarital unions. Directory. [Genealogicheskie svedeniya o russkih dvoryanskih rodah, proizoshedshih ot vnebrachnyh soyuzov. Spravochnik] Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2003. 194 p.
13. History of private life: ed. F. Ariez and J. Duby. In 5 vol. Vol. I: from the Roman Empire to the beginning of the second millennium; Vol. IV: from the Great French Revolution to World War I. [Istoriya chastnoj zhizni: pod obshchej red. F. Ar'esa i Zh. Dyubi. V 5 t. T. I: ot Rimskoj imperii do nachala vtorogo tysyacheletiya; T. IV: ot Velikoj francuzskoj revolyucii do I Mirovoj vojny] Moscow: New Literary Review, 2020 (Vol. I), 2018 (Vol. IV). 800 p., 672 p.
14. *Kochetova E.B.* Pages of the family history of Grand Duke Konstantin Nikolaevich. New documents // Museums of Russia: searches, research, work experience. [Stranicy semejnoj istorii velikogo knyazya Konstantina Nikolaevicha. Novye dokumenty // Muzei Rossii: poiski, issledovaniya, opyt raboty] 2005. Iss. 8.
15. *Kshesinskaya M.F.* Vospominaniya. Moskva: Izd-vo «Artist. Rezhisser. Teatr», 1992. 414 p.
16. *Kuz'min Yu.A.* Memoirs of P.A. Kuskov about Grand Duke Konstantin Nikolaevich. Second half of the 19th century // Historical archive. [Vospominaniya P.A. Kuskova o velikom knyaze Konstantine Nikolaeviche. Vtoraya polovina XIX v. // Istoricheskij arhiv] 2008. Iss. 4. P. 157–196; Iss. 5. P. 188–206.
17. *Loubat J.F.* Narrative of the Mission to Russia, in 1866, of the Hon. Gustavus Vasa Fox, Assistant-Secretary of the Navy, from the Journal and Notes of J.F. Loubat. New York: D. Appleton and Company, 1873. 444 p.
18. Manuscript Department of Russian National Library (OR RNB). F. 650 (Romanovy. Imperatorskij dom. Sobranie.). Op. 1. D. 1444.

19. *Medvedkova M.M.* Additions and corrections to the article by S.A. Sapozhnikov // Historical genealogy. [Dopolneniya i ispravleniya k stat'e S.A. Sapozhnikova // Istoricheskaya genealogiya] 1994. Iss. 3. P. 4–5.
20. *Milyutin D.A.* Dnevnik D.A. Milyutina. V 4-h t. T. I: 1873—1875. Moskva: Gos. ordena Lenina b-ka SSSR im. V.I. Lenina. Otd. rukopisej, 1947. 256 p.
21. *Noskov V.V.* American diplomats in St. Petersburg during the era of the Great Reforms. [Amerikanskie diplomaty v Sankt-Peterburge v epohu Velikih reform] Saint-Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2018. 832 p.
22. *Patrusheva N.G.* Censorship and the press in Russia in the late 1860s — early 1880s. (History of censorship counter-reform) // Solanus. New Series. [Cenzura i pechat' v Rossii v konce 1860-h — nachale 1880-h gg. (Istoriya cenzurnoj kontrreformy) // Solanus. New Series] 1997. Vol. 11. P. 63–89.
23. Pis'ma velikogo knyazya Konstantina Nikolaevicha k A.V. Kuznecovoj, M.K. i A.K. Knyazevym // Dvoryanskij vestnik. 1993. № 2 (3). P. 4; 1994. № 2 (5). P. 6; № 4–5 (7–8). P. 5; № 6 (9). P. 7; 1995. № 7–8 (17–18). P. 7.
24. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). Sobr. 2-e. T. 43. Ch. I. № 45973. 14 iyunya 1868. Vysochajshe utverzhdennoe polozhenie Komiteta Ministrov, ob"yavlennoe Senatu ministrom vnutrennih del 24-go togo zhe iyunya. Otnositel'no roznichnoj prodazhi periodicheskih izdanij na ulicah, ploshchadyah i v drugih publichnyh mestah i torgovyh zavedeniyah.
25. *Polovcov A.A.* Dnevnik Gosudarstvennogo sekretarya. V 2 t. Tom II: 1887—1892. Moskva: ZAO Centrpoligraf, 2005. 639 p.
26. *Popova G.A.* «Better happy than profitable». Morganatic marriage of Duke G.G. Mecklenburg-Strelitzky // The last Romanovs and imperial residences at the end of the 19th — beginning of the 20th century: Materials of the scientific conference. Collected papers. [«Luchshe schastlivo, chem vygodno». Morganaticheskij brak gercoga G.G. Meklenburg-Strelickogo // Poslednie Romanovy i imperatorskie rezidencii v konce XIX — nachale XX veka. Materialy nauch. konf. Sb. Statej] Saint-Petersburg: OOO Ales, 2009. P. 151–172.
27. *Repina L.P.* From «household affairs» to «state affairs»: gender and power in a historical context // Dialogue with time. [Ot «domashnih del» k «delam gosudarstva»: gender i vlast' v istoricheskom kontekste // Dialog so vremenem] 2007. Iss. 19. P. 5–27.
28. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). F. 419 (Rozanov Vasilij Vasil'evich (1856–1919) — publicist, literaturnyj kritik). Op. 1. D. 507.

29. RGALI. F. 2168 (Fribes Ol'ga Aleksandrovna (psevd. I.A. Danilov; [1861]–1922) — pisatel'nica). Op. 1. D. 13.
30. Russian State Archive of the Navy (RGA VMF). F. 224 (Konstantin Nikolaevich, velikij knyaz', general-admiral (1827–1892 gg.)). Op. 1. D. 323, 364.
31. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 537 (Pridvornaya kontora vel. kn. Aleksandry Iosifovny MIDv). Op. 1. D. 473.
32. *Safronova Yu.A.* Ekaterina Yuryevskaya. A novel in letters. [Ekaterina Yur'evskaya. Roman v pis'mah] Saint-Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2017. 404 p.
33. *Sapozhnikov S.A.* The offspring of Grand Duke Konstantin Nikolaevich from A.V. Kuznetsova // Historical genealogy. [Potomstvo velikogo knyazya Konstantina Nikolaevicha ot A.V. Kuznecovoj // Istoricheskaya genealogiya]. 1993. Iss. 2. P. 22–25.
34. *Semenova G.V.* Grand-ducal dachas of the city of Pavlovsk // Russian estate. Collection of the Society for the Study of Russian Estates (OIRU). [Velikoknyazheskie dachi goroda Pavlovska // Russkaya usad'ba. Sbornik Obshchestva izucheniya russkoj usad'by (OIRU)]. Moscow, 1996. Iss. 2 (18). P. 197–203.
35. *Shumkov A.A.* About the nobility of the Knyazevs // Historical genealogy. [O dvoryanstve Knyazevyh // Istoricheskaya genealogiya] 1994. Iss. 3. P. 4–5.
36. *Shumkov A.A.* About the nobility of the Princes // Noble Bulletin. [O dvoryanstve Knyazevyh // Dvoryanskij vestnik] 1995. Iss. 9 (19). P. 7.
37. *Sokolov A.S.* Morganatic marriages of the Romanovs in the second half of the 19th–20th centuries: «social elevator» for unequal spouses and the loss of dynastic status by their descendants // Genealogical Bulletin. [Morganaticheskie braki Romanovyh vtoroj poloviny XIX–XX v.: «social'nyj lift» dlya neravnorodnyh suprug i utrata dinasticheskogo statusa ih potomkami // Genealogicheskij vestnik] 2021. Iss. 64. P. 120–125.
38. *Stadelmann M.* Grobfürst Konstantin Nikolaevič. Der persönliche Faktor und die Kultur des Wandels in der russischen Autokratie. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. 470 p.
39. GA RF. F. 660 (Konstantin Konstantinovich). Op. 2. D. 114.
40. *Tihomirov L.A.* Teni proshlogo. Vospominaniya. Moskva: Izd-vo zhurnala «Moskva», 2000. 720 p.
41. Velikij knyaz' Aleksandr Mihajlovich. Kniga vospominanij. Moskva: Sovremennik, 1991. 271 p.

42. *Vitte S.Yu.* Vospominaniya. V 3-h t. T. I: (1849–1894). Detstvo. Carstvovaniya Aleksandra II i Aleksandra III. Moskva: Izd-vo social'no-ekonomicheskoj literatury, 1960. 556 p.
43. *Zav'yalova L., Orlov K.* Grand Duke Konstantin Nikolaevich and the Grand Dukes Konstantinovich: Family history. [Velikij knyaz' Konstantin Nikolaevich i velikie knyaz'ya Konstantinovichi: Istoriya sem'i] Saint-Petersburg: Vita Nova, 2009. 608 p.

Ключевые слова:

великий князь Константин Николаевич, великая княгиня Александра Иосифовна, Анна Васильевна Кузнецова, Князевы, ближайшее окружение, Дом Романовых.

Ian R. Dziubinskii

TWO FAMILIES OF GRAND DUKE KONSTANTIN NIKOLAEVICH IN THE FORMATION OF HIS INNER CIRCLE

The article examines the influence of the long relationship between Grand Duke Konstantin Nikolaevich (1827–1892) and the ballerina Anna Vasilievna Kuznetsova (1844–1922) on the transformation of the inner circle of the emperor's brother and a major statesman. Basing on a wide range of archival sources from the State Archive of the Russian Federation (GA RF), the Russian State Archive of the Navy (RGA VMF), the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), the Russian State Historical Archive (RGIA), the Manuscript Department of the Russian National Library (OR RNB), we aim to analyze the reconstruction of communications and the formation of a special private space as a new family was formed in the 1860s–1870s. Due to adultery we concern the history of the legal marriage of Konstantin Nikolaevich with the Grand Duchess Alexandra Iosifovna (1830–1911) and more particularly the gender roles in this marital union. The question is raised about A.V. Kuznetsova's activity outside the sphere of private life. The article contains material on the history of everyday life, family history and private life, gender roles. Less known aspects of the biography of the Grand Duke are presented in the context of serious changes in the way of life of the Romanov dynasty in the post-reform period.

Keywords: Grand Duke Konstantin Nikolaevich, Grand Duchess Alexandra Iosifovna, A.V. Kuznetsova, Knyazevs, Inner Circle, House of Romanovs.

Ian R. Dziubinskii — Researcher, Lecturer, HSE University.

Дзюбинский Ян Ростиславович

исследователь, преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
SPIN-код: 9560-0679
ORCID: 0000-0003-4088-6881